КУДРЯШЕВ А.Ф., *д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки*
ЕЛХОВА О.И., *д.ф.н., доцент, доцент кафедры философии и методологии науки*

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И МОДАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЙ

В поле нашего зрения входят, с одной стороны, социологическое понятие гражданского общества, с другой стороны – онтологическое понятие модальности, а также конкретные характеристики ряда модальных измерений, явно или неявно содержащихся во всякой развитой социальной концепции, и применение этих характеристик к описанию реалий современного гражданского общества.

Вначале обратимся к рассмотрению понятия модальности, которое в философии, разумеется, не является новым, но с которым непосредственно связан ряд значимых проблем. В их числе не только относительно специфические проблемы, скажем, весьма актуальная проблема разработки модальных онтологий, но и почти что обязательная для каждой основополагающей категории проблема ее общего определения. Обзор встречающихся определений философского понятия модальности содержится, например, в книге Михаила Эпштейна (см.: Эпштейн М.Н. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001. − 334 с.). Мы не будем разбирать саму концепцию модальности М. Эпштейна, − она, безусловно, оригинальна и уже потому далеко не бесспорна. На эту книгу мы ссылаемся, в данном случае, исключительно с целью указать на конкретный список различных толкований модальности, встречающихся сегодня в философской литературе. Вместе с тем, нам важно сосредоточить-

ся на одном из семи упомянутых в книге толкований, которое, кстати, М. Эпштейн тоже берет за основу своих рассуждений. Мы имеем в виду понимание модальности как вида и способа бытия или события (см.: Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994. – 576 с. − с. 273). Применительно к социальному бытию, в целом, или к гражданскому обществу, в частности, модальности означают их различные способы актуализации, что наглядно демонстрирует богатство их внутреннего содержания и многоаспектную вариативность их сущности.

Несмотря на большой объем публикаций по проблематике гражданского общества, данная область исследований изобилует методологическими и теоретическими трудностями, противоречиями, в ней остается еще много пробелов и вопросов без ответов. Монографические издания выполнены, как правило, в русле историко-философского описания, а публикации в социологической периодике сосредоточены на социально-политических аспектах, имеющих прикладной и притом кратко-срочный характер. Сама идея гражданского общества восходит к философской мысли античности (Аристотель, Цицерон), развивается в Новое время (Т. Гоббс, Дж. Локк) и продолжает разрабатываться в концепциях мыслителей эпохи Просвещения (Вольтер, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо) и немецких философов-классиков (И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель). Экономические основы гражданского общества изучались А. Смитом, К. Марксом, Ф. Энгельсом. В XX веке статические системно-структурные и институциональные представления дополняются концепциями, подчеркивающими изменяющийся характер общества, где оно одновременно полагается и как структура, и как процесс. Помимо линейного прогресса в обществе выявляется его циклическое развитие (А. Тойнби), обнаруживаются маятниковые движения и волновые закономерности (Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпе-

тер), открываются процессы многоканальной эволюции (М. Салинс, Э. Сервис). В конце XX − начале XXI веков вместе с новым витком развития общественной жизни проблематика гражданского общества обретает новые грани.

Относительно категории «гражданское общество» заметим, что в последние десятилетия она приобрела особую актуальность. Популярность и повсеместное употребление данного термина объясняется нарастанием глобализации, сопровождающейся ширящимся распространением на новые страны процессов политической, экономической и культурной интеграции и унификации, что делает эти процессы всемирными. Хотя в настоящее время не прекращаются дискуссии относительно приоритетных моделей строительства и функционирования общества в условиях глобализации, однако экономические и социальные модели ведущих стран мира чаще всего базируются на принципах именно гражданского общества.

Понятие «гражданское общество» представляется настолько многоаспектным, разносторонним, что в научных исследованиях уже становится трудно найти его однозначную интерпретацию. Сущность гражданского общества в современных теоретических исследованиях трактуется весьма противоречиво. Во взглядах на гражданское общество можно обозначить две крайние позиции. В одной из них понятие «гражданское общество» полагается как характеристика определенного состояния социума, идентифицируется с государством особого типа, где политически защищены и юридически обеспечены свобода и основные права человека. Другая интерпретация гражданского общества представляет его как определенную сферу социума, систему самостоятельных и относительно независимых от государства общественных институтов, задачами которых является обеспечение саморазвития и самореализации потенциала каждого гражданина стра-

ны. Государство, в свою очередь, создает благоприятные или неблагоприятные условия для функционирования этой сферы и тем самым влияет на ее жизнеспособность. Остальной спектр мнений относительно гражданского общества находится между двумя указанными позициями. Что касается нашей точки зрения на гражданское общество, то нам гораздо ближе вторая позиция, и мы, в принципе, с ней солидаризируемся.

Хорошо известно, что науки об обществе призваны не просто описывать социальную действительность, но и выделять в ней основные тенденции общественного развития. Такое выделение очень важно для науки, поскольку в тенденциях кроются и, по мере их усиления, раскрываются возможности общественной системы. Тем самым, социальные теории в данном отношении не должны принципиально отличаться от естественнонаучных теорий. Между тем многочисленные факты свидетельствуют, что прогнозы в сфере общественной жизни характеризуются относительно слабой степенью достоверности. Очевидно, следует принять во внимание субъективный фактор (то, что общество и входящие в него социальные образования, а также индивиды являются рефлексивными системами), обусловливающий недостоверность социального предвидения. Однако необходимо учитывать и такую особенность социальных теорий, как наличие авторских предпочтений, в которых выражаются желания автора видеть общество именно таким, а не каким-либо другим. Автор хочет, чтобы общество приняло вид, согласующийся с его желаниями. Поэтому, наряду с объективными модальностями действительности и возможности, в социальные учения с их прогностической функцией вплетается модальность желания (оптатив), которая почти совсем отсутствует в объективированных теориях естествознания (в идеале – ее в них просто не должно быть). В социальной практике, проводимой как реализация

проективных компонентов социальных учений, модальность желания (иногда уже в теории имеющая вид долженствования) может преобразоваться в волюнтаристскую политику соответствующих субъектов, проявляющуюся в плохо или объективно совершенно не обоснованных решениях. Впрочем, деятельность субъектов политики далеко не всегда основывается на каких-либо глубоких теоретических разработках. У них, безусловно, тоже есть свои пожелания и предпочтения, которые могут быть оправданы как угодно, в лучшем случае, исключительно сложившейся общественно-политической или экономической ситуацией. Соответственно, теоретики социальных преобразований, причастные к социальной практике, но непосредственно ее не осуществляющие, принципиально не могут не заниматься изобретением и приписыванием тех или иных собственных интерпретаций неявным желаниям, присущим реальным политическим лидерам.

С модальностью желания, так или иначе, оказывается тесно связанной виртуальная реальность, следы которой тоже присутствуют в социальных учениях. Вообще, с нашей точки зрения, правомерно говорить о виртуальности как о разновидности модальности и ввести модальность виртуального в систему модальных категорий. Онтологический смысл виртуального мы полагаем как подмену одного типа бытия другим его типом. Под типами бытия понимаются выделенные в результате определенной типизации чрезвычайно крупные «блоки» сущего. С точки зрения типологий бытия, виртуальное бытие означает смешение типов: один тип бытия принимается за другой тип. В частности, когда субъективное бытие принимается за объективное, и наоборот, когда объективное бытие рассматривается в качестве субъективного. Виртуализация может осуществляться и на уровне типов бытия, и на другом онтологическом уровне: уровне его подтипов. Когда, например, в рамках субъективного бытия могут смешиваться

одно субъективное с субъективным − другим, не тем же самым, а в рамках бытия объективного – одно объективное может приниматься за другое объективное. Такое смешение должно иметь осознанно временный характер, чтобы не утратить возможности развести в разные стороны то, что смешано, переставлено местами. Однако поставить все по своим местам бывает весьма затруднительно, так как возврат к исконной форме существования может изобиловать обратными переходами, последовательность которых не всегда удается запомнить. Обращает на себя внимание сходство между онтологической подменой одного сущего другим в ее элементарном виде и процессом метафоризации как законной процедурой художественного творчества. При этом подмена в пространстве виртуальной реальности уже в рядовом своем случае повторяется многократно, тогда как метафора чаще всего понимается несколько более однообразно: как отображение одного в другом и наоборот.

Модальность виртуального может проявлять себя не только через субъективную модальность желания, но и через объективную модальность потенциальности. Одна из ее функций − выдавать желаемое за вариант действительного. Особенностью социальных теорий является возможность их конструирования без строгой апелляции к каким-либо реальным референтам, что крайне трудноосуществимо в естественнонаучных теориях, где референция к актуальной реальности строго задает пределы приращения знания. Модальность виртуального представляет социальную реальность с иной семантикой движения, атрибутикой и предметностью, пространственно-временными построениями. Стоит подчеркнуть, что виртуальная социальность присутствует тогда, когда осуществляется подмена объективного социального бытия его симуляцией. Созданная таким образом новая реальность выглядит как более или менее точное подобие действительности.

Однако последняя оказывается окрашенной в более приглушенные тона. В результате, приобретенная «копия» получается, как правило, лучше оригинала, и может выглядеть просто фантастично и сверхреально, а в силу своей яркой образности и красочности способна приковывать к себе внимание сильнее, чем сама действительность. Виртуальная копия оказывается ее улучшенной, отретушированной симуляцией по программе «upgrade», существует на грани изобразительного искусства и едва удерживается на ней. Объекты созданной реальности искусственно красивы и чрезмерно детализированы как раз с целью создания яркой иллюзии действительного мира. Соединение нулевого градуса интерпретации и гипнотически жизнеподобных деталей формирует атмосферу солипсической замкнутости на фоне реальности вещей. В конечном счете, новая – виртуальная − реальность оказывается очень близкой человеку, и он не может расстаться с ней без чувства глубокого сожаления, поскольку действительный мир теперь не является для него столь же привлекательным и безукоризненным.

Глобальная информационная революция открыла в прогрессе человечества новую эпоху информационной цивилизации, оказывающую возрастающее влияние на общественные и политические отношения. В настоящее время контуры информационного общества, как и происходящие в нем изменения, обозначаются достаточно четко. Гражданское общество в эпоху информационной цивилизации формируется в принципиально других условиях и в ином социокультурном контексте, чем в странах, где оно складывалось в течение более или менее длительного исторического периода времени и теперь базируется на прочных традициях демократии и рыночной экономики, а также на высокой правовой культуре граждан. Новейшие информационные технологии, с одной стороны, облегчают привлечение граждан в политическую

сферу, дают новые возможности для просвещения, личностного становления и компетентного участия граждан в общественной жизни. С другой стороны, возрастающая концентрация и увеличение объема информационных потоков снижают личностный информационный контроль людей над собственным бытием, и созданная современная информационная картина общественно-политической жизни зачастую мало связана с социальной действительностью, поскольку у правящей элиты появляются дополнительные возможности для манипуляции общественным и личным сознанием. Есть все основания полагать, что модели организации и развития гражданского общества, имеющиеся в распоряжении ведущих аналитиков и политических деятелей стран Запада, в наше время сложно применимы в тех странах, где гражданское общество переживает еще только период своего становления. В таких странах попытки внедрения популярных в теории моделей чаще всего заканчиваются тотальной виртуализацией в социальной сфере, когда нечто всем известное, но лишь желаемое, выдается за действительное, которое вовсе еще не является достигнутым.

Конечно, модальная сетка социальных учений не исчерпывается выделенными выше «координатами» действительности, возможности и желания (с их отрицаниями). К ним, прежде всего, следует добавить «координату» необходимости. Во всякой приемлемой модели современного общества присутствует сочетание общественного долга и обязанностей граждан с их правами. Первые (долг и обязанности) сопоставимы с модальностью необходимости, вторые (права) – с модальностью возможности. При преимущественном положении в обществе ориентиров на долг и обязанности личность находится под прессом избыточной социальной зависимости. Такое общество не обязательно тоталитарно, но, скорее всего, оно тяготеет к тому, чтобы стать таковым. Тогда необходи-

мость превратится в желание (может быть, и большинства граждан), после чего оно способно незаметно поменяться с ней местами, когда желание верховной персоны воспринимается ею самой и должно восприниматься остальными людьми как необходимость. В этом крайнем случае осуществляется тотальный приоритет социальной необходимости / социального желания, обеспеченный властью государственного аппарата и всей политической системы.

В свою очередь, уже небольшое преимущество прав, тем более – их тотальное преимущество, в либеральном обществе влечет за собой ощущение безусловных гражданских свобод и одновременно постоянную угрозу самому существованию общественной целостности. Сложившееся многообразие возможностей служит основанием волевого начала, так как лишь воля способна подвигнуть человека на самостоятельный выбор между многими возможностями, среди которых могут встречаться равные. В обществе столкновение масс различных воль, в соответствии с синергетическим эффектом, должно вывести на новую социальную необходимость.

При всем стремлении отказаться от идеального образа общества, поскольку внедрение этого идеала в сознание людей и даже простое наличие его означают распространение идеи зависимости человека от диктата господствующей необходимости, нельзя запретить разработки социальных теорий (и даже утопий), в том числе теорий гражданского общества. Вместе с тем, необходимость имеется и в обществе, принадлежащем определенному историческому времени и находящемуся в динамическом развитии. При этом мало сказать, что гражданскому обществу как социальной реальности присущ антиномичный характер. Антиномия свободы и необходимости, так или иначе, свойственна всякому общественному устройству. Можно даже принять за истинное более сильное утверждение, что на каждом уровне функционирования обще-

ственной системы существует и сама антиномия, и способ ее разрешения, такой, генезис которого, вообще говоря, может быть внесоциальным. От того, какой принцип положен в основу разрешения этой антиномии, зависит специфика соответствующей модели гражданского общества.

В способе разрешения указанной антиномии свое место непременно занимает модальность запрета, социальное «нельзя», противоположное социальному «можно». Само по себе «нельзя» не выполняет конструктивной функции. Скорее, его функция – деструктивная. И все же определенные конструкции в социуме на его основе могут появиться при смешении отдельными субъектами «нельзя» и «можно». Допустим, некий человек нарушил социальное табу. За этим вполне справедливо может последовать конструктивный ряд действий, приводящих к наказанию преступника соответственно тяжести содеянного им преступления. По сравнению с актуальной действительностью, в мире виртуальной реальности соотношение «можно» и «нельзя» принципиально меняется, поскольку виртуальное, как мы уже отмечали, изначально характеризуется подменой одного типа бытия другим типом бытия.

Итак, можно прийти к следующим выводам. В рамках онтологического понимания модальности как определенного типа бытия, а гражданского общества как определенной системы общественных институтов, преследующей цель обеспечить саморазвитие каждого гражданина и характеризующейся соответствующим способом разрешения антиномии свободы и необходимости, мы выделили следующие модальные измерения социальных учений. Это, во-первых, объективные модальности, являющиеся вместе с тем традиционными для научного рассмотрения и по-разному отражающие социальную действительность, возможность и необходимость. Во-вторых, в социальные учения включены субъективные мо-

дальности, и прежде всего – некоторые проективные желания авторов учений, а также ряд интерпретаций этими авторами желаний тех социальных факторов, которые непосредственно заняты социальным конструированием. Кроме того, в систему модальных категорий мы предложили ввести категорию виртуального, понимаемую как подмена одного типа бытия другим типом бытия. Применение данной категории при исследовании социальных проблем позволяет выделять в качестве предмета изучения социальную виртуальность с ее специфическим содержанием, сочетающим объективные и субъективные аспекты.

Список литературы: 1. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М.: Аванта. – 2001. – 560 с. 2. Васильченко В.С. Державне регулювання зайнятості: Навч. посіб. / Васильченко В.С. – К. : КНЕУ. – 2003. – 252 с. 3. Трудовое право России: Учебник / Под ред. А.С. Пашкова. СПб. : Изд-во СпбГУ. – 1994. – 289 с. 4. Трудовое право: Энцикл. словарь / ред. кол. : Н.Г. Александров, А.И. Денисов (гл. ред.) и др. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл.. – 1963. – 576 с. 5. Попов С.В. Форми реалізації права на працю: проблеми теорії та практики : Монографія / С.В. Попов. – Харків: Видавництво «ФІНН». – 2009. – 336 с.

АБАШНІК В.О., *доктор філософії, завідувач кафедри гуманітарних та фундаментальних юридичних дисциплін*

Харківський економіко-правовий університет

ГАНС КЕЛЬЗЕН ПРО ДЕМОКРАТІЮ ТА ГРОМАДЯНСЬКЕ СУСПІЛЬСТВО

Для вітчизняної філософії права особливу *актуальність* мають дослідження творчості класиків філософсько-правової та юридичної думки, до яких безумовно належить австрійський та